

Зубов В. М., докт. экон. наук, профессор, депутат Государственной Думы, г. Москва,
zubov@duma.gov.ru

КРИЗИС — ЭТО НЕ ТОЛЬКО ПРОБЛЕМЫ, НО И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

Сегодня проблемы входа в финансовый кризис и выхода из него являются предметом активного обсуждения в различных аудиториях — от политиков и финансовых аналитиков, чьи позиции довольно схожи в определении истоков и анализе пройденных этапов, но значительно разнятся в прогнозах и вопросах антикризисных действий, до академического сообщества и граждан. В то время как одни утверждают, что кризис — это всего лишь очередной виток естественного хода развития экономики, другие высказывают уверенность в том, что ничего естественного в сложившемся кризисе нет и виноваты в нем не общие законы развития мировой экономики, а конкретные люди.

Редакция журнала публикует мнение по данному вопросу доктора экономических наук, профессора, депутата Государственной Думы Зубова Валерия Михайловича.

— Известно, что у каждого кризиса есть две главные особенности: он, во-первых, приходит неожиданно и, во-вторых, обязательно чем-то заканчивается. Какова, на Ваш взгляд, практическая составляющая, вытекающая из данного взгляда на суть вещей?

— Вряд ли можно всерьез предполагать оставаться «островом стабильности» при заведомом условии, что основной финансовый импульс для внутренних инвестиций дают внешние источники. Если в межбанковском секторе почти 80% ресурсов было привлечено от банков-нерезидентов, а нефинансовый сектор почти 40% своих ресурсов привлек также из-за рубежа, то каким образом внешние потрясения могли не задеть российскую финансовую систему и реальный производственный сектор?

Конечно, в своем самоуверенном высокомерии мы не одиноки. Рядом с пылающей экономикой США — целая Европа, которая уверенно чувствовала себя в глобальной финансовой системе. Как след-

ствие, самые экзотические инструменты «тушения пожара» теперь идут из консервативной Европы: полной национализацией банковской системы решили заняться «самые капиталистические лидеры» — Нидерланды и Бельгия; Италия провозгласила стопроцентную гарантию по вкладам населения в банках (вот раздолье-то покуролесить для тех банков, которые объективно не выживают в сложившейся ситуации); неожиданно заявляет о своем банкротстве целая страна — Исландия, входящая в десятку мировых лидеров по уровню жизни, она обращается за кредитной помощью к России, которая имеет уровень жизни в 4 раза ниже...

Истоки сегодняшних событий более чем неопределенны. Еще лет сорок исследователи будут уточнять, какие основные причины явились теми пружинами, которые, сорвавшись, дали толчок все еще необозримому по глубине и широте охвата глобальному кризису. С будущим все проще. Во-первых, как и все другие, этот кризис будет побежден. Во-вторых, проиграв-

шими окажутся те, кто, забыв многократно проверенную истину, сосредоточит свои основные ресурсы на ремонте обваливающихся «старых крепостных стен», а выиграют те, кто, перетерпев, отстроит рядом «новые кварталы».

Практической составляющей, вытекающей из данного взгляда, является отстраивание новых домов и обустройство улиц, которые должны производиться быстрее, чем разрушаются старые стены. А это значит, что антикризисная программа должна начинаться с проекта того города, в котором нам хотелось бы оказаться по окончании кризиса. В самом общем виде на сегодня это выражается банальным уравнением:

Скорректированная структура экономики и модернизированная система взаимоотношений = общество + бизнес + власть.

— Какие конкретные задачи должны быть поставлены в антикризисной программе, о которой Вы говорите, чтобы действительно можно было выйти из кризиса с обновленной и сильной экономикой?

— Без решения четырех основных задач поставленная цель труднодостижима. Первое. Необходимо прежде всего решить проблемы, существующие в системе управления. Второе. Следует решить проблемы так называемой сравнительной эффективности российской экономики. Третье. В обязательном порядке необходимо создать относительно независимую национальную финансовую систему. И четвертое. Это консолидация нового поколения предпринимателей, способных повернуть российскую экономику в сторону инновационного пути развития, и поддержка их как социально влиятельной группы.

— На первое место Вы выдвинули задачу, связанную с необходимостью решения накопившихся проблем в системе управления. Какие, с Вашей точки зрения, узло-

вые проблемы требуют безотлагательного решения в этой сфере?

— Здесь существуют две ошибки. Их следует не усугублять, а неспешно исправить. При этом надо не поддаваться на искушение третьей.

Во-первых, в момент кризиса, который носит невзрывной характер, но имеет сильную составляющую финансового недоверия, не стоит резко менять систему управления — вплоть до прямого нарушения Конституции. А чем иным является решение Госдумы и Совета Федерации о создании Комиссии Федерального Собрания по вопросам перераспределения бюджетных ассигнований? В соответствии с принятым решением 3 депутата от Государственной Думы и 3 члена Совета Федерации имеют право вносить изменения в бюджет в течение планового периода с последующим информированием (!) председателей палат. В Конституции достаточно ясно определено, что утверждение и изменение бюджета — прерогатива парламента в целом, а не отдельных депутатов. Конституционная обязанность парламента — публично рассматривать и принимать федеральный закон о распределении общественных финансов (то, что называется федеральным бюджетом). Оперативностью здесь также не прикрыться: всеми, включая премьера, было отмечено, что скоропалительное выделение средств банкам как из бюджета, так и из золотовалютных резервов ожидаемого эффекта не принесло (деньги не дошли до конечных получателей — до реального производства). Вновь подтвердилась известная поговорка: «спешка хороша лишь при ловле блох». В моменты кризисов, подобных тому, который мы преодолеваем, принципиально важна уверенность всего общества, что власть действует несуетливо, уверенно и продуманно. Не грех вспомнить, что английский парламент не прерывал своей работы и не менял регламентных прин-

ципов взаимодействия с исполнительной властью даже в тот момент, когда Великобритания была единственной противоборствующей агрессорам стороной в начале Второй мировой войны в 1940–1941 гг.

Во-вторых, как ни относиться к эффективности исполнительной власти в предыдущий («тучный») период, сегодняшняя ее попытка с ходу взвалить всю ответственность за кризис на себя не оправданна. «Участие» и законодательной, и исполнительной власти в целом ряде упущений, которые осложняют протекание кризиса (в конце концов, именно власть сформировала условия, при которых возникла избыточная зависимость российского бизнеса от иностранных заимствований), очевидно. Однако в рыночной экономике, я полагаю, основная ответственность за состояние экономики лежит на бизнесе, именно от собственников и топ-менеджмента бизнеса общество ждет эффективных действий и в «тощие» годы. Почти 20 лет, прошедших с момента официальной приватизации, дают основания государству не поощрять иждивенческие, а тем более инфантильные действия руководителей бизнеса международного масштаба. Есть проверенные правила поведения ответственного бизнеса, главное из них — самостоятельно платить по своим долгам. Помощь государства бизнесу — это перераспределение ресурсов от одних к другим, как правило, к менее эффективным.

К примеру, в США уже идет реальная реструктуризация финансового сектора (сошли со сцены инвестиционные банки, временно — на один год — национализированные ведущие ипотечные агентства и главная страховая компания). При этом отличительной особенностью американских мер финансовой санации является участие самого бизнеса в разгребании завалов. В России же бизнес как бы устранен от активного участия в преодолении кризиса и от подготовки к тем новым экономическим реалиям, которые непременно наступят. Фактически всю ответственность

за преодоление кризиса взяло на себя правительство (хотя и не напрямую, а через некоторых депутатов Государственной Думы, которые как бы от своего частного имени предлагают законы, предположительно подготовленные в правительстве). Думается, роль государства как няньки в преодолении кризиса может пагубно отразиться на развитии российского бизнеса. Это очень опасный шаг на пути выхода из кризиса. И плохая воспитательная традиция на будущее.

В-третьих, не следует предаваться иллюзии, что пришел конец рыночному либерализму (основу которого составляют частная собственность и рыночная, т.е. конкурентная, основа оценки общественно необходимых затрат) и наступает благородная «кейнсианская» эра максимальной возможной государственной собственности и максимальных бюджетных расходов. Сегодня соучастие государства в разруливании ситуации объективно обусловлено.

Достаточный исторический опыт (и наш отечественный опыт — один из наиболее ярких) свидетельствует: прямое государственное участие в бизнесе в подавляющем числе случаев менее эффективно, чем частная инициатива. Это банальная констатация фактически известного. Но вот что пока не стало банальностью — это оценка конкретного участия государства в сегодняшних проблемах.

Я полагаю, что одной из основных причин финансового кризиса явились не только жадность инвесторов, просчеты в финансовом секторе, недостатки регулирования на финансовых рынках, но и повсеместное разрастание различных социальных и суверенных фондов, которые не только сыграли роль «антикризисной подушки», но и предложили рынку избыток средств, которые в силу своего «бесплатного» происхождения (государство получает свои ресурсы, как правило, в виде налогов) позволили рынку снизить требования к эф-

фективности их размещения. Это явилось одной из причин чрезмерного роста многих активов, в первую очередь социальных. Сколько стран соучаствовало в поддержке всевозрастающего дефицита бюджета США? В настоящий момент дефицит бюджета этой страны уже составил 1 трлн долларов, а общий госдолг — более 13 трлн.

Любое государство является более слабым контролером издержек, чем частный бизнес. А, как известно, исторически побеждает экономический строй, демонстрирующий более высокую производительность труда (К. Маркс), что предполагает более низкие издержки. Поэтому впереди у нас — значительно более цивилизованный рынок с возросшей прозрачностью и четкостью регулятивных, а не «собственных» функций государства.

Из вышесказанного следует одна важная предпосылка для проведения антикризисной политики. Поскольку кардинальным решением выхода из глобального кризиса будет изменение соотношения стоимости активов при общем их понижающем тренде, высокими финансовыми рисками будут обладать решения о централизованной государственной работе по избирательной поддержке сложившихся доходов отдельных предприятий на базе завышенных активов (их стоимости), сколь бы «социально значимыми» они ни представлялись. Без радикального (как правило, в несколько раз) изменения эффективности (производительности труда) прямая финансовая поддержка будет работать как «экономический наркотик» с последовательностью развития событий, известных нам по бытовым ситуациям. Безусловно, исключительно рыночные «лекарства» (избавление от избыточных активов, реструктуризация задолженности по договоренности с кредитором, смена собственников и менеджмента, сокращение персонала, банкротства) имеют некоторые максимально допустимые социальные границы.

Однако попытка Японии выйти из национального кризиса в начале 90-х годов, также связанного с завышенной оценкой активов, мягким социальным путем с помощью массированного финансового участия государства на практике вылилась фактически в почти 20-летнюю депрессию, потерю значительной части технологического лидерства, накопленного в 60–80-х годах (уже выросло поколение, которое не помнит, что было «японское чудо»), что создало у себя под боком условия для появления конкурентоспособных экономик. Нет никаких сомнений, что даже страны — члены ВТО поддадутся соблазну ввести не только внутренние (это уже свершившийся факт), но и внешние протекционистские меры. Удержаться от этого невозможно по политическим мотивам. Однако так как усиление протекционизма, кратковременно уменьшая боль, существенно растягивает время лечения, т.е. выхода из кризиса, и в целом эту практику следует принять как данность, следует держать про себя задумку, что как раз на этом повороте можно обогнать конкурентов.

— *Вторая задача, которую Вы озвучили, по существу, затрагивает проблемы повышения конкурентоспособности национальной экономики и является ее стратегической компонентой. На что здесь прежде всего следует обратить внимание в антикризисной программе?*

— Истоки глобального кризиса — не в ошибках бухгалтеров инвестиционных банков, и чисто финансового решения проблем сегодняшнего кризиса на макроуровне нет. Проблема — в сравнительной конкурентоспособности национальных экономик на микроуровне (на производственном уровне). Выправляя финансовую ситуацию, спасая банковскую систему путем пополнения ее ликвидности, нельзя отвлекаться от точного диагноза проблемы: проблема ликвидности банковской системы (к при-

меру, российской) не оттого, что реально не хватает денег, а от сложности определения, кто вернет кредит. И конечным получателем кредита, а следовательно, и тем, кто обязуется его вернуть, является не банк, а предприятие. Если предприятие выпускает конкурентоспособную (по качеству, по цене) продукцию, то возврат кредита обеспечен, в противном случае — нет. Истоки недоверия на рынке ссудных капиталов лежат не в межбанковском кредите, они — в точке соприкосновения банка и реального сектора.

Вторая, наиболее важная проблема, без решения которой выход из кризиса может оказаться кратковременным, — сравнительная эффективность российской экономики.

Нет особого смысла в данном контексте приводить широко известную статистику соотношения производительности труда по России в целом или отдельным отраслям — от высокоразвитых стран отставание в среднем в 4–5 раз. По этому поводу есть детальные исследования. Но на двух фактах, которые являются результатом не долговременного исторического тренда, а событий самых последних лет, остановиться следует.

Факт первый. Долговременный тренд в развитых странах таков, что прирост производительности труда незначительно, но устойчиво опережает прирост оплаты труда (например, у самых крупных из быстро развивающихся стран — Китая и Индии — прирост производительности труда в 2 раза выше прироста оплаты труда). В России положение зеркальное: прирост зарплаты за последние годы в 2 раза опережал прирост производительности труда. Это ключевая проблема, на решение которой должна быть нацелена экономическая политика правительства, а кризис должен выступить здесь как стимулирующий фактор. Вариантов решения этой проблемы множество.

Однако я не имею в виду банальное предложение подгонять показатель про-

изводительности труда под желаемую цифру путем ускоренного сокращения его знаменателя, т.е. численности занятых. В конце концов, численность занятых привязана к используемой технологии. Я только хотел бы, чтобы был выбран такой вариант экономической политики, в котором сделаны правильные акценты для решения указанной проблемы. Что для нас сегодня важнее: стимулирование выпуска устаревшей продукции и попытки протолкнуть ее на внутреннем рынке (на внешний рынок все, кроме сырья и вооружений, не проталкивается) взамен импорта (в частности, путем девальвации рубля) либо поддержание технологического импорта, который в предкризисный период стал объективно нарастать, а значит, не поддаваться еще одному временному инструменту стабилизации ситуации — ослаблению рубля?

Факт второй: публикация «списка 295 системообразующих предприятий». Какой сигнал при этом дан, в частности, банкам при выборе приоритетов кредитования? Будет ли облегчена жизнь малому бизнесу в этой ситуации? Достанутся ему хоть какие-то кредитные ресурсы?

Каждая уже внедренная технология имеет предел своего потенциала производительности. Принципиальные прорывы возможны только через новые бизнесы. В «списке 295» — практически все предприятия, технологическая основа которых создана еще в советский период. Сможет ли российская экономика остаться конкурентоспособной, сохранив только эту «системообразующую» основу? Или необходимо фундаментально поддерживать процесс превращения современного малого бизнеса в средний и более с учетом того, что средства для этого действительно пока есть? Или правительство будет находиться в ожидании новой волны роста цен на сырье?

В связи с этим в чем рискованность мер по выделению государством средств

на поддержку финансового (банковского, биржевого) и корпоративного секторов в российской экономике? Кратко это можно определить так — это игра на удержание, на консервацию сложившейся структуры экономики, которая после завершения финансовой фазы кризиса станет еще более уязвимой для развития российской экономики в сторону современной инновационной структуры.

Центром принятия антикризисных мер фактически становится Внешэкономбанк (на его счетах — триллионы рублей и десятки миллиардов долларов со стороны Центрального банка и Министерства финансов). Он уже осуществляет скупку проблемных активов. Ему предоставлено окончательное право определять критерии, по которым «казнить или миловать» банковские и хозяйственные структуры. Досадно, что в качестве «дворника», «кризисного спасителя» избрали банк, который создавался совсем для противоположной функции — как один из основных институтов развития, не для дотирования слабого сектора экономики, а для развития потенциально новых современных бизнесов.

Однако более важным для последствий выхода из кризиса будет, конечно, характер использования выделенных ресурсов. По сумме они значительно превышают весь профицит бюджета 2008 года. Будет ли эта помощь безусловной (пожар необходимо срочно тушить!) или выделение государственных средств будет обусловлено требованиями смены менеджмента, реструктуризации бизнеса (в частности, продажа непрофильных и просто избыточных активов), сдерживанием оплаты и программы повышения производительности труда, подталкиванием к объединениям, а в других случаях — к демополизации производства? Вопрос далеко не риторический. В сложившейся ситуации необходимо вернуться к запланированной динамике роста тарифов на услуги естественных монополий: их сниже-

ние — реальный финансовый ресурс для перерабатывающих отраслей, и пока не ясно, дойдет ли что-то до них из суммы выделенных средств из золотовалютных резервов и бюджета.

Эффективность российского производства и банковского сектора — это две тесно взаимосвязанные проблемы. В конечном счете, банк, как и любое другое коммерческое предприятие, должен быть рентабельным. Однако норма рентабельности банковской деятельности — это отдельная, большая и чрезвычайно важная тема. На этом следует остановиться подробнее. Рентабельность банковской деятельности зависит от многих факторов, в частности, она обусловлена тем, что кредит выдается прибыльному и надежному заемщику. Сегодня объективно качество банковской системы будет определяться созданием новых производств с доходностью, которая может компенсировать падение доходов отраслей традиционного производства (включая заработки работников). Без серьезных институциональных изменений, которые сформируют реальную конкурентную среду, способную дать толчок массивному развитию малого индустриального бизнеса, принципиального выхода из кризиса я не вижу даже для банковского сектора.

Кризис — это не только проблемы, но и новые возможности. Кризис даст более точную оценку возможностей госкорпораций в целом как инструмента инновационных прорывов. До сих пор история свидетельствовала, что революционные технологические прорывы начинаются как бы с чистого листа. Вспомните историю компании *Apple*, последний продукт которой — *i-Phone 3G* — оккупировал рекламные щиты крупных городов.

Решение по поддержанию крупных финансово-хозяйственных структур уже принято. Сумма этой адресной поддержки — около 4 трлн рублей. Особо подчеркну, что всего 10% этой суммы могло бы дать серьезный

толчок развитию малого бизнеса, которому легче, чем крупному, сориентироваться в выборе правильного направления движения в условиях кризиса. К примеру, налоговые каникулы малому бизнесу по налогу на прибыль, единому налогу по упрощенной системе налогообложения, земельному налогу и налогу на имущество с полной компенсацией выпадающих доходов субъектам Российской Федерации на весь 2009 год (а Министерство экономики обещает нам продолжительность кризиса в 2–3 года) составят как раз 400 млрд рублей. Сегодня совершенно очевидно, что следует срочно внести поправки в Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 159-ФЗ о минимизации расходов малых предприятий на выкуп арендованных площадей с продлением срока выкупа до 10 лет и увеличением выкупаемых площадей хотя бы до 10 000 кв. м. Кризис — это шанс для наших малых предприятий стать средними и дальше. Когда-нибудь мы должны соскочить с нефтяной иглы. И текущий финансовый кризис — вполне подходящий для этого момент.

В стране нет нехватки рабочей силы. В экономике нехватка современных монополизированных производств, в поддержке создания и развития которых, я полагаю, у государства пока нет заинтересованности. А без них фундаментальная проблема отставания общей конкурентоспособности российской экономики по причине низкой производительности труда не имеет решения.

— *Задачу создания относительно независимой национальной финансовой системы Вы также включили в антикризисную программу. Что при этом имеется в виду? Что означает принцип относительной независимости?*

— По форме кризис проявился как финансовый, поэтому важнейшее условие его преодоления — создание относительно независимой национальной финансовой сис-

темы, структурным ядром которой является банковская. Здесь опять-таки стоит проблема выбора. Фактически предложены две возможные модели, и на практике, скорее всего, они будут конкурировать до поры до времени. Одна модель предложена руководством Сберегательного банка РФ. Ее идея — «войти в положение заемщика», который объективно сталкивается с проблемами кризисной ситуации. Логика в таком подходе есть. Тем более если это практически (правда, только в течение определенного времени) может быть в любой момент и на льготных условиях поддержано бюджетными средствами. Вторая модель предложена руководством банка ВТБ 24. Эта модель напоминает азбучную истину. Модель строится на следующем положении: банк в первую очередь оперирует несобственными средствами, и если он не будет постоянно демонстрировать защищенность средств своих клиентов, то их у него в конце концов не будет, но на следующей итерации не будет средств и для заемщиков — как для населения, так и для бизнеса.

Принципиальной проблемой в экономике России, которая так и не решена за все годы реформ, является отсутствие реальных инвестиционных институтов. С одной стороны, при норме сбережений населения 35 % только 20 % становились накоплениями. С другой стороны, ни один общедоступный институт (банки, НПФ, ПИФы) не давал массовому «инвестору» положительного дохода, даже в последние годы. Попытка сделать массовым участие населения в доходах от фондового рынка, который до кризиса приносил положительный доход, с помощью народных IPO потерпела фиаско еще до обвала фондового рынка в целом. Трудно не согласиться с президентом Ассоциации независимых центров экономического анализа Леонидом Марковичем Григорьевым, описавшим ситуацию простой формулой: «катастрофическая непригодность финансовой системы для переработки собственных денег». И решать эту

задачу придется, теперь уже в «боевых условиях», заискивая перед «кулаком», прижимистым, рачительным, предприимчивым, живущим не одним днем, — в общем (извините за высокопарность), перед истинным патриотом страны, с которой он связывает свое будущее. Фактически — по формуле ВТБ 24. И с этой точки зрения, решение Центрального банка РФ о повышении ставки рефинансирования (вразрез общепринятой на сегодня мировой практике) выглядит как одно из самых обнадеживающих из всех принятых в развернувшемся кризисе. Нет другого способа создать современную финансовую систему (тем более — еще один мировой финансовый центр), как сделать выгодным пользование ее инвестиционными возможностями в первую очередь для своих граждан.

Лукавить в подобного рода вопросах недостойно: следование данному рецепту означает заметное повышение стоимости денег для их потребителя — заемщика. По счастью, у государства есть возможность компенсировать часть расходов предприятий по финансовым займам за счет снижения их расходов по другим статьям, в первую очередь отказавшись от неоправданного роста тарифов на услуги естественных монополий. Во-первых, государство как собственник должно принудить «свои» естественные монополии радикально снизить издержки, максимально избавившись от непрофильных активов, и отложить все зарубежные и «горизонтальные» инвестиции. Во-вторых, что касается соблюдения условий по инвестиционным программам, которые взяло на себя государство во время реорганизации единой энергосистемы: соблюдение условий хозяйственного договора — принципиальный институт рыночной экономики, однако юридические нормы рынка признают также понятие форс-мажорных обстоятельств, к ним, бесспорно, относится текущий кризис, в результате которого резко снизилась реальная стоимость заложенных инвест-

программ. Да и потом, неужели сохранится потребность в такой приросте энерго мощностей, как это виделось перед кризисом? Кстати, за рубежом наблюдается снижение цен на энергоресурсы во всех формах, т.е. фактически общее снижение налогов.

Отдельные меры должны быть рассмотрены для малого и начинаемого бизнеса: государство должно взять на себя расходы по подключению вновь создаваемых предприятий к энергоисточникам — во всяком случае, на тот период времени, когда в силу снижения промышленных объемов производства появляются дополнительные энерговозможности.

— Сформулированная Вами четвертая задача антикризисной программы касается нового поколения предпринимателей — движущей силы любого прогресса. Что бы Вы здесь выделили главное?

— Главное? Полагаю, что для успешного преодоления кризиса нам требуется принципиально иное напряжение сил. Поясню свою мысль. Согласно Конституции Россия — социальное государство. Однако развернутого определения, что такое «социальное», нет. На практике социальная политика государства чаще всего трактуется как перераспределение ресурсов в пользу определенных групп населения, которые в силу различных обстоятельств (возраста, здоровья) не могут на равных с другими находиться непосредственно в производстве. Более прагматичным и полезным, особенно в условиях кризиса, было бы понимание социально ориентированного государства как поддерживающего условия, при которых выгодно работать. И нравственный смысл государственной политики — помогать «потейущему».

Главное место приложения этой помощи — предприятия, производящие высокотехнологичные продукты с помощью передовых технологий. В первую очередь такие усилия готовы предложить образованные,

энергичные, не получившие по случайной или неслучайной удаче часть государственной собственности предприниматели, готовые рискнуть и войти в новые ниши, которые будут появляться в результате поиска выхода из неблагоприятной ситуации. Вот на них-то и должны опереться сегодня и государство, и общество в целом. Именно они — новое поколение предпринимателей, а не второе пришествие «красных директоров».

В заключение хотел бы обратить внимание на основные слабости, заложенные в российской экономике, которые делают ее легко подверженной внешней финансово-экономической инфекции и без осознания и преодоления которых трудно рассчитывать на успех антикризисных мер.

Первая: избыточное налогообложение, привязавшее российскую экономику к внешнему кредитованию.

Вторая: общие институциональные условия. Правоохранительная система, законодательство, монополизм отдельных отраслей, коррупция не служат надежным инструментом защиты экономических ин-

тересов и собственников-работодателей, и работников-созидателей.

Третья: сырьевая экономическая пирамида, о которой говорим долго и малорезультативно. При самых благоприятных экономических условиях для части отечественной продукции не следует забывать, что только 20% населения (включая членов семей) страны напрямую получает доходы от экспортоориентированных отраслей и тех секторов экономики, которые непосредственно обслуживают получателей этих высоких доходов. Остальные 80% населения в той или иной мере живут за счет перераспределения доходов от этих отраслей.

Трудно сказать, что будет в мае 2009 года или через пару лет. Ясно только одно: мировая экономика (и российская вместе с ней) назад в старую крепость не вернется. А вот каким будет наш новый город, мы и определяем сейчас. Как принято говорить, «есть варианты».

*Беседу вела
главный редактор журнала
Т. С. Новашина*

V. Zubov, Doctor of Economics, Professor, Member, Russian State Duma

THE ECONOMIC CRISIS: IT NOT ONLY ABOUT THE PROBLEMS, IT IS ABOUT THE OPEN OPPORTUNITIES

Today the issues associated with the current financial crisis beginning point and the issues that concern the possible way out of it are discussed by various groups of people. The audiences who participate in the discussion range from the politicians and financial analysts to the academic community and the rank-and-file people. The politicians and analysts see eye to eye with one another as far as the reasons why it all has begun and the identification of the crisis stages we have lived through are concerned. They do not share the same opinion when it comes to the crisis countering measures and the crisis development forecast. Some experts say that the crisis is merely a part of the economic development evolutionary process which is quite natural while others are sure that the current crisis is a «man-made product», it is not a part of the natural development process, and it has nothing to do with the world economic development scheme.

Mr. Zubov's viewpoint of the issue is published here by the editorial board.